

Научная статья / Original article

УДК 81-114.2

doi:10.37632/PI.2025.22.57.005

ОСОБЕННОСТИ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ ЭРГАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ЗАПАДНЫХ ИНДОАРИЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Л.В. Хохлова

МГУ имени М.В. Ломоносова

Аннотация: Типологическая эволюция индоарийских языков демонстрирует многочисленные отклонения от подлинно эргативной модели не только в формальных морфо-синтаксических признаках эргативности (маркировании синтаксических примитивов и правилах глагольного согласования), но и в грамматической семантике эргативных конструкций. В западных новых индоарийских языках (НИА) отсутствует оппозиция агентивных — фактитивных глаголов, присущая эргативным языкам, стратегии синтаксического кодирования не мотивированы непосредственно ролевыми характеристиками актантов, в результате допускается наличие нескольких диатез у одного предиката. Эргативное оформление агенса определяется исключительно морфо-синтаксической структурой предложения и не связано с семантикой актантов, поэтому эргативный агент может относиться к референту, не контролирующему ситуацию в отличие от последовательно эргативных языков, где основной принцип оформления предикатных актантов: «одна роль — один падеж».

Ключевые слова: типологическая эволюция западных индоарийских языков, морфо-синтаксические характеристики эргативности, грамматическая семантика эргативных конструкций

Для цитирования: Хохлова Л.В. Особенности грамматической семантики эргативных конструкций в западных индоарийских языках // Типология морфосинтаксических параметров. 2025. Том 8, вып. 2. С. 122–138. doi:10.37632/PI.2025.22.57.005

GRAMMATICAL SEMANTICS OF ERGATIVE CONSTRUCTIONS IN WESTERN INDO-ARYAN LANGUAGES

Liudmila Khokhlova
Lomonosov Moscow State University

Abstract: The typological evolution of Indo-Aryan languages demonstrates numerous deviations from the truly ergative model not only in the formal morpho-syntactic features of ergativity (marking of syntactic primitives and verbal agreement), but also in the grammatical semantics. There is no opposition of agentive/factitive verbs typical for ergative languages and no semantic motivation for the strategy of encoding the role characteristics of actants, which precludes the presence of multiple diatheses for a single predicate. Nominal marking does not correspond to the principle “one role — one case”. An ergative agent may point to a referent that is not in control of the situation.

Keywords: typological evolution of Indo-Aryan languages, morpho-syntactic features of ergativity, grammatical semantics of ergative constructions

For citation: Khokhlova L. Grammatical semantics of ergative constructions in Western Indo-Aryan languages. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2025. Vol. 8, iss. 2. Pp. 122–138. (In Rus.) doi:10.37632/PI.2025.22.57.005

1. Введение

Проблемы типологической эволюции от номинативно-аккузативного к эргативному типу изучались на материале полинезийских языков [Hohepa 1969; Clark 1973, 1976; Chung 1978], языков карибской семьи [Franchetto 1990; Derbyshire 1991; Gildea 1992; Dixon 1994: 187–192], неоарамейских [Noorlander 2020], индоиранских [Anderson 1977; Pireiko 1979; Payne 1980; Bubenik 1998; Butt 2001; Comrie 1979; Klaiman 1978, 1987; Peterson 1998; Pray 1976; Stroński 2011; Stump 1983; Trask 1979] и других языковых семей. Индоарийские языки сохранили документированную историю на протяжении по крайней мере двух тысячелетий. Письменные памятники позволяют проследить процесс эргативизации языков номинативно-аккузативного строя и последующее возвращение к номинативно-аккузативной модели¹.

Эргативизация языков номинативного строя противоречит теории об однонаправленном типологическом развитии Г.А. Климова: классные — активные — эргативные — номинативные языки. [Климов 2009: 191]. До-

¹ Ниже для номинативно-аккузативной стратегии используется сокращенный термин «номинативная».

казательством отсутствия подлинной эргативности в таких западных индоарийских языках, как западный хинди и восточный панджаби Г.А. Климов считал, во-первых, «расщепленную эргативность» (сфера действия эргативных конструкций ограничена перфективными видо-временными формами), во-вторых, отсутствие у эргативного послелого косвенно-объектной функции, в частности, функции инструменталиса, в-третьих, наличие категории залога, невозможной в эргативных языках.

Большинство исследований, посвященных проблемам происхождения, развития и современного состояния эргативной конструкции в индоарийских языках, основывается на формальных морфо-синтаксических признаках эргативности: маркировании S, A, O и правилах глагольного согласования [Anderson 1977, 1988; Bloch 1965; Kliman 1978, 1987; Masica 1991 и др.].

Ниже будут рассмотрены отклонения от эталонной эргативной модели не только в маркировании синтаксических примитивов, но и в грамматической семантике эргативных построений. Эргативные конструкции новоиндийских языков сопоставляются с близкими к эталонной модели эргативными построениями в языках среднедагестанского стандарта (СДС)².

2. Типологическая эволюция стратегий синтаксического кодирования в западных новоиндийских языках

Говоря об отсутствии подлинной эргативности в западных индоарийских языках, Г.А. Климов анализировал системы современных языков, которые представляют собой результат обратного движения от эргативного к номинативному типу [Khokhlova 2001]. Пиком проявления эргативности следует считать модель, сложившуюся в апабхрамша, где отсутствовала залоговая оппозиция, а эргативный субъект оформлялся инструменталисом [Bubenik 1998]:

- (1) *to mant-īṇa tālauḍu khaddh-u...*
 тогда министр-INSTR яд_талапуты.М.СГ есть-PAST.М.СГ
 'Тогда министр принял яд талапуты.' [Somaprabha's Kumārapālāpratibodha 48.2-3, цитируется по Bubenik 1998: 110]

На ранних этапах эргативизации не только отсутствовал пассивный залог, в некоторых западных индоарийских языках обнаруживались такие

² Термин вводится в работе А.Е. Кибрика [Кибрик 2005: 7].

следы синтаксической эргативности, как эргативный тип кореферентных опущений [Хохлова 1923: 119–130], ср. апабхрамша (2), где ($O_1 = A_2$) и раджастанхуни 15 в. (3), где ($O_1 = S_2$):

- (2) *rā-eṃ...* *pes-ia* *kiṃkara* (O_1) *pur-e*
 раджа-INSTR посылать-PAST слуга город-LOC

ghar-e (A_2) *avalō-iu* *uvavan-e*
 дом-LOC искать-PAST парк-LOC

‘Раджа послал слуг в город, (слуги) искали в (каждом) доме и в парке.’
 [Puṣpadanta, Harivaṃśapurāṇa 83.6.6-7, цитируется по Bubenik 1998: 158]

- (3) *ṣreṇik* *siⁿhāsaṇ-i* *baith-au* *vidyā* *paṛh-ai*
 Шреник трон-LOC сидеть-PP.M.SG знание учить-PRES.3.SG

ghaṇi vāri vidyā (O_1) *kaḥ-i* *puṇ* (S_2) *āv-ai* *nahi*
 много_раз знание говорить-PAST.F но приходить-PRES.3.SG NEG

‘Раджа Шреник, воссевший на трон, учит мантры, много раз (он) мантры произнес, но [они] не запоминаются.’ [R.G. 1969: 15]

В 15–16 вв. в большинстве западных НИА инструменталис перестает маркировать агенс переходного действия и эргативная стратегия синтаксического кодирования сменяется нейтральной ($S = O = A$), ср. раджастанхуни 16 в., где одинаково маркируются A (4), S (5) и O (6):

- (4) *kumār* (A) *lakuṭ-ai* *te* (O) *tim* *haṇ(y)-ā*
 царевич.M.SG.NOM дубинка-INSTR они.NOM.PL так бить-PAST.M.PL

‘Царевич так побил их дубинкой.’ [R.G. 1969: 39]

- (5) *ākās-i* *ūr-iu* *kumār* (S)
 небо-LOC лететь-PAST.M.SG царевич.M.SG.NOM

‘Царевич полетел к небу.’ [R.G. 1969: 36]

- (6) *kumār* (O) *dekh-i* *veśyā-iⁿ* ... *pūch-iuⁿ*
 царевич.M.SG.NOM видеть-CV куртизанка-INSTR.SG спрашивать-PAST.NEUT.SG

‘Увидев царевича, куртизанка спросила.’ [R.G. 1969: 37]

Позже во всех западных НИА появляется послелог, маркирующий одушевленный и определенный прямой объект. В хинди, панджаби маратхи возникает также послелог, маркирующий эргативный агенс, ср. хинди (7):

- (7) *rām ne sītā ko dekh-ā*
 Рам ERG Сита ACC видеть-PAST.M.SG
 ‘Рам увидел Ситу.’

В гуджарати и раджастхани отсутствует эргативный послелог, при этом в гуджарати сохраняется инструментальное маркирование эргативного агенса (8), в раджастхани эргативный агент маркируется отлично от номинативного только у существительных во множественном числе и местоимений.

- (8) *amār-ā senāpati-e tār-ā dhañi-n-ī katal*
 наш-М.OBL.SG полководец-INSTR твой-М.OBL.SG муж-GEN-F убийство.F
kar-ī nā'kh-ī
 делать-CV бросать-PAST.F
 ‘Наш полководец убил твоего мужа.’ [Савельева 1965: 58]³

В современных западных НИА представлены четыре стратегии синтаксического кодирования: эргативная ($S = O \neq A$), контрастивная ($S \neq O \neq A$), нейтральная ($S = O = A$) и номинативная ($S = A \neq O$).

Таблица 1 Стратегии синтаксического кодирования в западных НИА

язык	имя существительное	местоимение
хинди	эргативная, контрастивная	эргативная, контрастивная
гуджарати	эргативная, контрастивная	эргативная, контрастивная
панджаби	эргативная, контрастивная	эргативная, контрастивная, номинативная
марвари	эргативная, нейтральная, контрастивная	эргативная, контрастивная, номинативная

Существуют противоположные мнения по поводу взаимного структурного обособления при маркировании субъекта переходного действия и косвенного объекта (в частности, инструмента и адресата). По мнению Г.А. Климова, различное выражение эргативного агенса и инструмента было шагом к номинативизации языковой структуры [Климов 2009]. Т.Я. Елизаренкова, напротив, считала одним из условий, необходимых и достаточных для того, чтобы трактовать конструкцию как эргативную, наличие

³ Подробнее об эволюции именного маркирования и глагольного согласования в западных НИА см. [Хохлова 2007: 151–186; Khokhlova 2001: 159–184; Khokhlova 2016: 165–200].

противопоставления эргативного падежа и инструментального или любого другого косвенного падежа, способного выступать как падеж деятеля [Елизаренкова 1967: 116]. Таким образом, с позиций Г.А. Климова, гуджарати более эргативен, чем хинди и панджаби, по мнению Т.Я. Елизаренковой — хинди и панджаби более эргативны, чем гуджарати.

Сходных с Т.Я. Елизаренковой взглядов придерживался В. Бубеник [Bubenik 1996: 175–176], который полагал, что подлинное развитие эргативной конструкции происходит в новоиндийский период, когда возникает отдельный послелог эргативности.

Для ответа на вопрос, является ли противопоставление эргативного и инструментального или другого косвенного падежа критерием подлинной эргативности, следует сравнить падежную структуру западных НИА с падежным маркированием в эталонных эргативных языках. В дагестанских языках вычленяется роль инструмента, выражаемого совмещающим эргативом⁴ или специальным инструментальным падежом. [Кибрик 2005: 207]. Характерной чертой для некоторых дагестанских языков является совпадение эргативного падежа с разными падежными формами, поэтому эргативный падеж в этих языках не является самостоятельной морфологической единицей. В даргинском языке он может совпадать частично с творительным падежом, в лакском — с родительным [Жирков 1955], в других дагестанских языках используются разные падежи локативной семантики. [Бокарев 1948: 64; Курбанов 1967: 214]. Таким образом, судя по дагестанским языкам, которые близки к эталону эргативности, отдельное маркирование эргативного агенса нельзя считать надежным показателем эргативного строя языка.

Итак, к важным признакам стирания эргативности в процессе эволюции новоиндийских языков относятся формирование пассивного залога и контрастивной стратегии синтаксического кодирования. Вряд ли к признакам усиления эргативности следует отнести появление отдельного эргативного послелога.

Представляется, что изучение семантики эргативных построений, которой в настоящее время посвящено сравнительно немного исследований, позволит найти дополнительные критерии для построения иерархии эргативных признаков в различных языках.

⁴ А.Е. Кибрик при описании дагестанских языков использует термин «совмещающий эргатив», имея в виду совпадение эргативного падежа с другими падежными формами.

3. Семантика эргативных конструкций в современных западных НИА

3.1. Последовательная синтаксическая реализация оппозиции транзитивных/интранзитивных глаголов

В западных НИА эргативная конструкция имплицитруется **транзитивными** глаголами, абсолютная — **интранзитивными**. В них отсутствует характерная для эргативной типологии семантическая оппозиция агентивных глаголов, обозначающих действие, распространяющееся с субъекта на объект и преобразующее его (*ломать, резать, убивать, топить, сеять*) и фактивных глаголов, которые передают состояние субъекта или его поверхностное воздействие на объект (*чихать, кричать, петь, плясать, толкать, ударять, царапать, кусать, звать*). По мнению Г.А. Климова, грамматикализация оппозиции агентивных-фактивных глаголов является важной особенностью подлинно эргативных языков [Климов 2009: 95]. Между тем в западных НИА эргативное маркирование субъекта возможно и при непереходных глаголах⁵. Например, глагол ‘смеяться’ в старом раджастхани употреблялся в эргативной конструкции, нарушая оппозицию транзитивность/интранзитивность:

- (9) *lok-e* *sahū-e* *has-iuⁿ*
 люди-INSTR все-INSTR смеяться-PAST.NEUT.SG
 ‘Все люди рассмеялись.’ [R.G. 1969: 16]

В современном хинди глаголы небольшого класса физических отправлений и звуков, издаваемых человеком: *khāⁿsnā* ‘кашлять’, *chīⁿknā* ‘чихать’, *cīkhnā* ‘кричать’, *mūtnā* ‘мочиться’, *ronā* ‘плакать’ могут употребляться как в эргативной, так и в номинативной конструкции. По мнению М. Батт, эргативная конструкция предполагает намеренное, номинативная — невольное действие [Butt 2001]:

- (10) *mohan* *chīⁿk-ā* / *khāⁿs-ā*
 Мохан.NOM чихать-PAST.M.SG кашлять-PAST.M.SG
 ‘Мохан чихнул/кашлянул (простудился).’

- (11) *mohan-ne* *chīⁿk-ā* / *khāⁿs-ā*
 Мохан-ERG чихать-PAST.M.SG кашлять-PAST.M.SG
 ‘Мохан чихнул/кашлянул (нарочно, чтобы сказать больным и не ходить в школу).’

⁵ Возможно, это остатки активной типологической системы.

- (12) *sītā* *ro* *uṭh-ī*
 Сита.NOM плакать подниматься-PAST.M.SG
 ‘Сита заплакала (может быть, против воли).’

- (13) *bacce-ne* *ro* *ḍāl-ā*
 ребенок.OBL-ERG плакать бросать-PAST.M.SG
 ‘Ребенок заплакал (требуя у мамы игрушку).’

М. Батт не ссылается ни на какие полевые исследования, которые позволили бы ей прийти к выводу о семантических различиях между конструкциями (10) и (11), (12) и (13).

Я провела опросы информантов в Университете им. Дж. Неру (Дели), Делийском университете и университете Вардхи в которых участвовало 56 студентов, аспирантов и преподавателей, родным языком которых был хинди. Проведенные опросы показали, что в идиолекте конкретного лица наблюдается исключительно либо эргативное, либо номинативное маркирование агенса. Все опрошенные носители хинди-урду на вопрос: «Чем отличаются по смыслу конструкции типа (10)–(11) и (12)–(13)?» ответили, что «по смыслу они идентичны, одни говорят так, другие иначе»⁶.

В последнее время наблюдается тенденция употреблять номинативную конструкцию с непереходными глаголами класса «физические отправления и звуки, издаваемые человеком». Эта тенденция находится в русле общего направления развития по аналогии, предполагающего последовательное употребление эргативной конструкции с переходными глаголами, номинативной — с непереходными. Некоторые переходные глаголы, которые раньше употреблялись в номинативной конструкции, в настоящее время требуют эргативного маркирования субъекта. Например, во всех традиционных учебниках хинди глагол *bolnā* ‘говорить’ рекомендуется употреблять в номинативной конструкции, однако в современном разговорном языке, в особенности в языке молодежи, этот глагол, как правило, употребляется с эргативным субъектом.

Последовательная синтаксическая реализация оппозиции транзитивных/интранзитивных глаголов характерна, по мнению Г.А. Климова, для номи-

⁶ Автор выражает благодарность преподавателям и студентам этих университетов, наибольшую помощь в работе мне оказали проф. Прадип Кумар Дас, проф. Анил Кумар Панде и студенты Делийского университета Шубха Шривастава, Джйоти Шарма, Ниведита Верма и Мааз Шейхх.

нативно строя языков. «В отличие от реализуемого в эргативной системе противопоставления агентивных и фактививных глаголов, в рамках номинативного строя значительно отчетливее выступает субъектная или объектная интенция глагольных лексем (субъектная у интранзитивных, объектная — у транзитивных) <...> распределение глагольной лексики по признаку транзитивность-интранзитивность системным образом связано с общей ориентацией номинативной языковой структуры на фундаментальные семантические роли субъекта и объекта» [Климов 2009: 105–106]. Стремление современных Западных НИА исключить из языковой структуры любые отклонения от последовательной синтаксической реализации оппозиции «транзитивность/интранзитивность» является еще одним шагом на пути к номинативной системе синтаксического кодирования.

3.2. Отклонение от ролевой ориентации при кодировании актантов

Наиболее важным семантическим критерием отличия номинативной и эргативной системы представляется принцип кодирования актантов. В подлинно эргативных языках при кодировании актантов доминирует ролевая ориентация. Напротив, номинативные языки весьма редко являются последовательно ролевыми: ролевая ориентация существенна для них обычно лишь на уровне глубинной синтаксической структуры, то есть при выборе исходной диатезы [Кибрик 2005: 194–195]⁷.

Так, например, во всех подлинно эргативных языках среднедагестанского стандарта каждой выделяемой в языке семантической роли соответствует свое средство выражения: семантическая роль агенса маркируется эргативом или функционально-тождественным ему падежом, семантическая роль фактива — номинативом, ср. (14) и (15) в цахурском языке:

- (14) *Гаде* *хъикIи*
 мальчик.НОМ умирать.РАСТ
 ‘Мальчик умер.’ [Кибрик 2005: 206]

- (15) *Гад-ес* *ичи* *гееты*
 мальчик-ЕРГ девочка.НОМ бить.РАСТ
 ‘Мальчик побил девочку.’ [Кибрик 2005: 206]

⁷ Существуют и эргативные языки с ослабленной ролевой ориентацией, например, австралийский язык дирбал [Dixon 1972].

В языках СДС эргатив не может кодировать актант, не обладающий основными характеристиками агенса (одушевленность, активность, обладание восприятием, способность выступать инициатором события) [Кибрик 2005: 208].

А. Монто попыталась найти общий компонент значения, присутствующий во всех актантах, маркированных в хинди эргативным падежом [Montaut 2004: 186]. На основании того, что в роли главного актанта при двухместном (редко одноместном) предикате могут выступать такие разные семантические роли, как агенс, экспериенцер и (реже) реципиент, А. Монто предложила концепцию иерархического убывания агентивности, характеризующую маркированные эргативным падежом актанты, в частности, последовательность «volition > intention > choice > conscious awareness». Предполагалось, что значение «conscious awareness» должно как минимум присутствовать во всех именах, маркированных эргативным падежом.

Между тем во всех западных НИА возможно эргативное оформление субъекта при глаголах, описывающих процесс, происходящий помимо воли субъекта, ср. раджастхани 18 в.:

- (16) *rāṇ-ai* *sāṅg-ai* *kāl* *kiy-o*
 раджа-OBL.SG Санга-OBL.SG срок.NOM.M.SG делать-PAST.M.SG
 ‘Раджа Санга умер.’ [R.G.1969: 49]

Эргативный субъект может указывать на инволитивный референт, как в панджаби (17) и соотноситься с абстрактной сущностью, как в хинди (18):

- (17) *śārṭ sarkaṭ* *kāran* *lagg-ī* *āg* *ne*
 короткое_замыкание по_причине возникнуть-PP.F огонь.F ERG

pūr-ī *imārat* *nūṅ* *āpṇ-ī* *lapet* *vicc* *lai* *li-ā*
 полный-F здание.F ACC свой-F круг.F в брать брать-PAST.M.SG
 ‘Огонь, вспыхнувший из-за короткого замыкания, охватил все здание.’

- (18) *nafrat* *ne* *us-ko* *khatam* *kar* *di(y)-ā*
 ненависть ERG он.OBL-ACC окончание.M.SG делать давать-PAST.M.SG
 ‘Ненависть его уничтожила.’

В некоторых дагестанских языках «актант с прототипической ролью агенса может приобретать особую падежную характеристику, если данный партиципant не контролирует событие и не участвует в нем сознательно» [Кибрик 2005: 208], ср. (19) и (20) в лакском языке:

- (19) *Гвана-л цвурку ишкIунди*
 он-ERG вор.NOM убивать.PAST
 ‘Он убил вора (сознательно).’ [Кибрик 2005: 208]

- (20) *Гвана-ща цвурку ишкIунди*
 он-ORIG⁸ вор.NOM убивать.PAST
 ‘Он случайно убил вора.’ [Кибрик 2005: 208]

В западных НИА употребляется конструкция, маркирующая случайное, не зависящее от субъекта и, как правило, нежелательное для него действие. В такой конструкции употребляется непереходный глагол, и субъект маркируется инструментальным падежом, ср. хинди (21) и (22):

- (21) *rām ne pyāl-ā tor di(y)-ā*
 Рам ERG чашка-М.NOM.SG разбивать давать-PAST.M.SG
 ‘Рам разбил чашку (нарочно).’

- (22) *rām se pyāl-ā tūt ga(y)-ā*
 Рам INSTR чашка-М.NOM.SG разбиваться идти-PAST.M.SG
 ‘Рам нечаянно разбил чашку.’

Конструкция (22) маркирована по признаку «инволитивное действие», в то время как переходные глаголы в западных НИА строят эргативную конструкцию независимо от волитивности-инволитивности действия и типа референта (см. (16)–(18) выше).

В дагестанских языках предикаты со значением чувственного восприятия, то есть с актантами экспериенцер и стимул=фактитив имеют специальное падежное оформление экспериенцера (аффективная конструкция), при этом экспериенцер маркируется отлично от агенса, ср. (15) и (23) в цахурском языке:

- (23) *Гаде-йеле ичи гъайжы*
 мальчик-ЛОС девочка.NOM видеть.PAST
 ‘Мальчик увидел девочку.’ [Кибрик 2005: 206]

В западных НИА, как и в номинативных языках, экспериенцер маркируется так же, как агент, ср. (24) в хинди:

- (24) *dūri par us-ne ek śahar dekh-ā*
 дальность на он.OBL-ERG один город.М.SG видеть-PAST.M.SG
 ‘Вдалеке он увидел город.’

⁸ В оригинале «исходный падеж».

В хинди, как и в русском, возможно также дативное маркирование экспериенцера:

- (25) *dūri par mujhe pahār dikhāi di(y)-e*
 дальность на я.DAT гора.SG = PL появление давать-PAST.M.PL
 ‘Вдалеке (мне) показались горы.’

Во всех западных НИА существует пассивная диатеза, имплицитирующая различное кодирование агенса в активной и пассивной конструкции, ср. панджаби (26) и (27):

- (26) *mahārājā ra'jīt singh ne šām singh nūⁿ ih jagjir*
 махараджа Ранджит Сингх ERG Шам Сингх DAT этот джагир

di-t-ī s-ī
 давать-PP-F быть-PAST.SG

‘Махараджа Ранджит Сингх даровал этот джагир Шам Сингху.’

- (27) *ih jagjir mahārājā ra'jīt singh valoⁿ šām singh nūⁿ*
 этот джагир.F махараджа Ранджит Сингх ABL Шам Сингх DAT

di-t-ī ga-ī s-ī
 давать-PP-F идти-PP.F быть-PAST.SG

‘Этот джагир был дарован Шам Сингху махараджей Ранджитом Сингхом.’ [Puar 1990: 62].

В эргативных языках отсутствуют залоговые преобразования, которые призваны изменять синтаксические характеристики актантов при сохранении состава семантических ролей. [Кибрик 2005: 208].

3.3. Актантная деривация предикатов

Семантическая деривация предиката сближает западные НИА с номинативными, но не с эргативными языками. В языках СДС есть группа лабильных глаголов, которые могут иметь или не иметь при себе актант с семантической ролью агенса, например, (28) и (29) в арчинском языке:

- (28) *Бува-му ваІрти абкьІу*
 мать-ERG тарелка.NOM бить(ся).PAST
 ‘Мать разбила тарелку.’ [Кибрик 2005: 209]

- (29) *ваІрти абкьІу*
 тарелка.NOM бить(ся).PAST
 ‘Тарелка разбилась.’ [Кибрик 2005: 209]

В западных НИА немногочисленные лабильные глаголы обычно употребляются в сочетании с легкими глаголами, снимающими грамматическую омонимию, ср. употребление лабильного глагол *badalnā* ‘менять(ся)’ в хинди (30) и (31):

- (30) *us-ne apn-ī yojnā-eⁿ badal d-īⁿ*
 он.OBL-ERG свой-F план-F.PL менять(ся) давать-PAST.F.PL
 ‘Он изменил свои планы.’

- (31) *us-k-ī yojnā-eⁿ badal ga-īⁿ*
 он.OBL-GEN-F план-F.PL менять(ся) идти-PAST.F.PL
 ‘Его планы изменились.’

Для языков СДС нехарактерно образование каузативов от агентивных предикатов, так как производный глагол будет иметь при себе два агенса в эргативе, несмотря на их различные роли в ситуации. В тех языках СДС, где существует каузация агентивных предикатов, она может использоваться для изменения прототипической семантической роли одного из актантов предиката, ср. (32) и (33) в тиндинском языке:

- (32) *Ойав ди-чи вито*
 он.NOM я-LOC проиграть.PAST
 ‘Он мне проиграл.’ [Кибрик 2005: 211]

- (33) *Ди ойав вит-ало*
 я.ERG он.NOM проиграть-CAUS.PAST
 ‘Я у него выиграл.’ [Кибрик 2005: 211]

Для всех западных НИА характерна развитая система образования каузативов от агентивных предикатов, каузатор маркируется эргативом, медиатор — инструменталисом в хинди (34), аблативом в панджаби (35), локативом в гуджарати (36).

- (34) *rājā ne naukar se mehmān-oⁿ ko śarbat*
 раджа ERG слуга INSTR гость-M.OBL.PL ACC шербет.M.SG

pil-vā(y)-ā
 поить-CAUS-PAST.M.SG

‘Раджа велел слуге напоить гостей шербетом.’

- (35) *rām ne lok-āⁿ koloⁿ āṇ-īāⁿ gall-āⁿ man-vā-īāⁿ*
 Рам ERG люди-PL.OBL ABL свой-F.PL слово-F.PL признать-CAUS-PAST.F.PL
 ‘Рам заставил людей принять его доводы.’

- (36) *rājā-e śikārī pāse hāthī ne mar-āv(y)-o*
 раджа-INSTR охотник возле слон ACC убивать-CAUS-PAST.M.SG
 ‘Раджа велел охотнику убить слона.’

4. Заключение

Итак, в ходе эволюции от сложившегося в апабхрамша эргативного к номинативному типу синтаксического кодирования западные НИА демонстрируют многочисленные отклонения от эргативной модели не только в маркировании синтаксических примитивов, но и в грамматической семантике эргативных конструкций. В отличие от реализуемого в эргативной системе противопоставления агентивных и фактитивных глаголов, в западных НИА последовательно проявляется оппозиция транзитивных/интранзитивных предикатов. Западные НИА не следуют свойственному эталонным эргативным языкам принципу оформления актантов «одна роль — один падеж», исключаящему наличие нескольких диатез у одного предиката. Отсутствующая на ранних стадиях развития эргативности пассивная диатеза в настоящее время присутствует в структуре всех Западных НИА. В отличие от подлинно эргативных языков, в западных НИА эргативным падежом оформляется субъект при любом переходном глаголе, в том числе субъект при глаголах, выражающих инволитивное действие. Семантическая деривация предиката также сближает западные НИА с номинативными, но не эргативными языками. Более глубокое изучение семантики эргативных построений, которой в настоящее время посвящено сравнительно немного исследований, позволит найти дополнительные критерии для построения иерархии эргативных признаков в различных языках с расщепленной эргативностью.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; A — агенс двухместного глагола; ABL — аблатив; ACC — аккузатив; CAUS — каузатив; CV — конверб; DAT — датив; ERG — эргатив; F — женский род; INSTR — инструменталис; LOC — местный падеж; M — мужской род; NEG — отрицательная частица; NEUT — средний род; NOM — номинатив; O — пациенс двухместного глагола; OBL — косвенный падеж; ORIG — исходный падеж; PAST — прошедшее время; PL — множественное число; PP — перфективное причастие; PRES — настоящее время; S — единственный актант одноместного предиката; SG — единственное число.

Список источников / References

- Бокарев 1948 — Бокарев Е.А. Локативные и нелокативные значения местных падежей // Язык и мышление 1948. № XI. С 56–67. [Bokarev E.A. Locative and non-locative meanings of local cases. *Yazyk i myshleniye* № XI. Pp 56–67].
- Елизаренкова 1967 — Елизаренкова Т.Я. Эргативная конструкция в новоиндийских языках. // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. М.: Наука, 1967. С. 116–125 [Yelizarenkova T. Y. Ergative construction in new Indo-Aryan languages. М.: Nauka. 1967. Pp 116–125].
- Жирков Л.И. Лакский язык, М.: Академия Наук СССР, 1955. [Zhirkov L.I. *Lakskii yazyk* [The Lak language]. М.: Akademiya Nauk SSSR, 1955].
- Кибрик 2005 — Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М.: Комкнига, 2005. [Kibrik A.E. *Ocherki po obshchim i prikladnym voprosam yazykoznaniiya* [Essays on general and applied issues of linguistics]. М.: Komkniga, 2005].
- Климов 2009 — Климов Г.А. Принципы контенсивной типологии. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. [Klimov G.A. *Printsiipy kontensivnoi tipologii* [Principles of contensive typology]. М.: Knizhnyi dom «Librokom», 2009].
- Курбанов 1957 — Курбанов А.И. Эргативный падеж и его функции в цахурском языке // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. М.: Наука, 1957. [Kurbanov A.I. Ergative case and its functions in the Tsakhur language. Ergative construction in languages of different types. М.: Nauka, 1957].
- Савельева 1965 — Савельева Л.В. Язык гуджарати. М.: Наука, 1965. [Savel'eva L.V. *Yazyk gudzharati* [Gujarati language]. М.: Nauka, 1965].
- Хохлова 2023 — Хохлова Л.В. Следы синтаксической эргативности в истории западных индоарийских языков. Вестник МГУ, серия 13. Востоковедение. 2023, Т. 67, № 2. С. 119–130. [Khokhlova L.V. Traces of syntactic ergativity in the history of Western Indo-Aryan languages. *Papers of Moscow State University (Vestnik MGU) 2023, series 13, Oriental studies, vol. 67, № 2. Pp. 119–130.*]
- Хохлова 2007 — Хохлова Л.В. Синтаксическая эволюция западных новоиндийских языков в 15–20 вв. // Смирнов И.С. (ред). *Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности. Выпуск XI. Аспекты компаративистики*. М.: РГГУ, Институт Восточных культур и античности. С. 151–186. [Khokhlova L.V. Syntactic evolution of Western New Indian languages in the 15th–20th centuries // Smirnov I.S. (ed.). *Orientalia et Classica: Proceedings of the Institute of Oriental Cultures and Antiquity, 2007, issue XI, Aspects of comparative studies 2*, М.: Russian University for the Humanities, Institute of Oriental Cultures and Antiquity. Pp. 151–186.]
- Anderson 1977 — Anderson S.R. On mechanisms by which languages become ergative. Li C.N. (ed.). *Mechanisms of Syntactic Change* Austin, University of Texas Press, Pp. 317–363.
- Bloch 1965 — Bloch J. 1965. *Indo-Aryan*. Paris: Maisonneuve, 1965.
- Bubenik 1996 — Bubenik V.A. *The structure and development of Middle Indo-Aryan dialects*. Delhi: Motilal Banarsidass, 1996.
- Bubenik 1998 — Bubenik, V. *A historical syntax of Late Middle Indo-Aryan (Apabhramsha)*. Amsterdam/Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 1998.
- Butt 2001 — Butt M. A reexamination of the accusative to ergative shift in Indo-Aryan. Butt M., King T.H. (eds.). *Time over Matter: Diachronic Perspectives on Morphosyntax*. Stanford, California, CSLI Publications, 2001. Pp.105–141.
- Chung 1978 — Chung S. *Case marking and grammatical relations in Polynesian*. Austin: University of Texas press, 1978.

- Clark 1973 — Clark R. Transitivity and case in eastern Oceanic languages. *Oceanic Linguistics* №12, 1973. Pp. 559–605.
- Clark 1976 — Clark R. *Aspects of proto-Polynesian syntax* (Te Reo Monographs). Auckland: Linguistic Society of New Zealand, 1976.
- Comrie 1979 — Comrie B. Some remarks on ergativity in South Asian languages. *South Asian Language Analysis* 1, South Asian Languages Analysis group (SALA), Department of Linguistics, University of Illinois at Urbana-Champaign, 1979.
- Derbyshire 1991 — Derbyshire D.C. Are Cariban languages moving away from or towards ergative systems? *Work Papers of the Summer Institute of Linguistics, University of North Dakota Session: Vol. 35, 1991, Article 6*. Pp. 1–30, available at: <https://commons.und.edu/sil-work-papers/vol35/iss1/6>
- Dixon 1994 — Dixon R.M.W. *Ergativity*. Cambridge University Press, 1994.
- Dixon 1972 — Dixon R.M.W. *The Dyirbal language of the North Queensland*. Cambridge, Cambridge University press, 1972.
- Franchetto 1990 — Franchetto B. Ergativity and nominativity in Kuikuro and other Carib languages. Payne D. (ed.). *Amazonian linguistics. Studies in lowland South American languages*. Austin, University of Texas Press, 1990. Pp. 407–428.
- Gildea 1992 — Gildea S. *On reconstructing grammar: Comparative Cariban morphosyntax*. Oxford Studies in Anthropological Linguistics. Oxford University press, 1992.
- Hohepa 1969 — Hohepa, P.W. The accusative-to-ergative drift in Polynesian languages. *JPS* 78, 1969, Pp. 297–329.
- Montaut 2004 — Montaut A. *A Grammar of Hindi*. Lincom Europa, 2004.
- Noorlander 2020 — Noorlander P.M. Ergativity and other alignment types in Neo-Aramaic. *Studies in Semitic Languages and Linguistics*, Vol.103, Leiden/Boston: Brill, 2020.
- Payne 1980 — Payne J. The decay of ergativity in Pamir languages. *Lingua* 51, 1980. Pp. 147–186.
- Pireiko 1979 — Pireiko L.A. On the genesis of the ergative construction in Indo-Iranian. Plank F. (ed.). *Ergativity: towards a theory of grammatical relations*. London: Academic press, 1979.
- Khokhlova 2001 — Khokhlova L.V. Ergativity attrition in the history of Western New Indo-Aryan languages (Hindi/Urdu, Punjabi, Gujarati and Rajasthani). *The Yearbook of South Asian Languages and Linguistics 2001*. Tokyo Symposium on South Asian Languages. Contact, Convergence and Typology, New Delhi-London. Sage Publications.
- Khokhlova 2016 — Khokhlova L. Ergative alignment in Western New Indo-Aryan languages from a historical perspective. *Indo-Aryan Ergativity in Typological and Diachronic Perspective*, *Typological Studies in Language* 112, John Benjamins, Amsterdam, Netherlands, 2016. Pp. 165–200.
- Klaiman 1978 — Klaiman M.H. Arguments against a Passive Origin of the IA Ergative. *Papers from the 14th Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*, 1978. Pp. 204–216.
- Klaiman 1987 — Klaiman M.H. Mechanisms of ergativity in South Asia. *Lingua* 71, 1987. Pp. 61–102.
- Masica 1991 — Masica C. *The Indo-Aryan Languages*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
- Peterson 1998 — Peterson J.M. *Grammatical relations in Pali and the emergence of ergativity in Indo-Aryan*. Lincom Studies in Indo-European Linguistics. Munchen: Lincom Europa, 1998.
- Puar 1990 — Puar J.S. *The Panjabi verb. Form and function*. Patiala: Panjab University Publication Bureau, 1990.
- RG 1969 — Rajasthani Gadya: *Vikas aur Prakash*. Narendra Bhanavat (ed.). Agra: Shriram Mehta and Company, 1969.

- Pray 1976 — Pray B. From passive to ergative in Indo-Aryan. Verma M.K. (ed.). The notion subject in South Asian languages. Madison: University of Wisconsin, 1976. Pp. 195–211.
- Stroński 2011 — Stroński K. Synchronic and diachronic aspects of ergativity in Indo-Aryan. Poznań, Wydawnictwo Naukowe, 2011.
- Stump 1983 — Stump G.T. The Elimination of ergative patterns of case marking and verbal agreement in Modern Indic languages. Ohio State University Working Papers in Linguistics 27, 1983. Pp.140–164.
- Trask 1979 — Trask L.R. On the origin of ergativity. Plank F. (ed.). Ergativity. Towards a theory of grammatical relations. London: Academic press, 1979.

Статья поступила в редакцию 27.11.2025; одобрена после рецензирования 20.12.2025; принята к публикации 29.12.2025.

The article was received on 27.11.2025; approved after reviewing 20.12.2025; accepted for publication 29.12.2025.

Людмила Викторовна Хохлова

кандидат филологических наук; МГУ имени М.В. Ломоносова

Liudmila Khokhlova

Ph.D.; Lomonosov Moscow State University

khokhl@iaas.msu.ru